

При всей туманности наших сведений о языковых процессах в дописьменный период, об особенностях народной поэзии эпохи славянского языкового единства мы все же можем опираться при решении этой проблемы на некоторые бесспорные положения сравнительного языкознания. В большинстве славянских языков на рубеже I и II тысячелетий нашей эры произошло коренное изменение просодических свойств. С утверждением экспираторного ударения различие гласных звуков по длительности постепенно исчезло. Древнее и общее для всех славянских групп музыкальное ударение удержалось лишь в сербо-хорватском языке. Точно так же для всех славянских языков были общи «еровые изменения», которые существеннейшим образом сказались на слоговом рисунке слова. В результате падения редуцированных много слов сократилось, изменился одновременно и ритмический рисунок речи.

Редуцированные заднего и переднего ряда выполняли свою слоговую функцию в IX и в X вв. После их падения силлабические стихотворения должны были изменить свой ритмический рисунок; однако не только правдоподобно, но и возможно, что некоторые древнейшие стихотворения или песни и в этом случае сохранили свой слоговой строй, т. е. равное число слогов в каждом стихе. Это могло произойти либо при соответственном стяжении (напомним, что амплитуда колебаний слоговой длины стиха чрезвычайно велика), либо в результате какой-либо модификации текста, что допустимо при необходимости следовать напеву.

Однако эти предположения могут быть подкреплены другим фактом — традицией искусственного произношения редуцированных. В изданиях Э. Кошмидером фрагментах новгородского Ирмология по списку XII—XIII вв.²² в тексте всех 74 отрывков имеется лишь 2 (!) случая отсутствия слабых редуцированных. Этот и другие памятники древней гимнографии, по справедливому замечанию Р. О. Якобсона,²³ не отражают потерю слабых еров, точно так же «не замечают» они и стяжения двух слоговых гласных в одну. Таким образом, сам факт длительного бытования силлабических текстов на русской почве в первоначальном, неиспорченном виде не подлежит сомнению.

Очень затруднительно определить хронологические пределы проникновения на Русь церковнославянских стихотворений, декламационных или связанных с мелодией. Во всяком случае уже в третьей четверти XI в. в Киеве их знали (Святославов изборник 1073 г.). Поскольку эти стихотворные памятники в большинстве своем были так или иначе связаны с первоочередными потребностями только что отошедшего от язычества русского народа, «языка нова», говоря словами Константина Преславского (с литургией — гимнография, в частности Ирмологий, с основной христианской книгой — Евангелием — «Проглас» Константина-Кирилла, с учебными целями, возможно, «Азбучная молитва» Константина Преславского), то не будет особой натяжкой, если мы свяжем время их проникновения в Киевскую Русь с эпохой введения и распространения новой христианской религии.

В таком случае проблема «жизни» их в русской письменности должна разрабатываться и в ином направлении: именно по пути установления взаимоотношений реализованной в них византийской силлабической стихотворной системы с просодическими особенностями русского языка кануна и периода введения христианства. Наши представления о дописьменных ме-

²² E. Koschmieder. Die ältesten Norgoroder Hirmologien Fragmente. München, I, 1952; II, 1955; III, 1956.

²³ Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry, стр. 255.